

**Отдел современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы
Международная научная конференция**

9–10 ноября 2021 г.

**Топос города в синхронии и диахронии: литературная
парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

И. Е. Адельгейм (*Москва*)

**«...разделено жилье твое между ними и тобой». Варшава как пространство
своего/чужого в польской прозе 2000–2020-х гг.**

**“... the dwelling of yours is divided between you and them.” Warsaw as a space of “the
own” / “the alien” in Polish prose of the 2000s - 2020s**

В докладе рассматривается специфика изображения в художественной и документальной прозе Сильвии Хутник, Игоря Остаховича, Петра Пазиньского, Беаты Хомонтовской, Эльжбеты Яницкой, Моника Шнайдерман неоднородного пространства Варшавы, разнообразно связанного с исторической травмой и трагическим польско-еврейским прошлым. С перспективы постпамяти прозаики обращаются к проблеме сосуществования различных слоев пространства и сознания Варшавы – официального и неофициального, маркированного и немаркированного, декларируемого и умалчиваемого. Это повествование о переписывании исторического пространства города, о безуспешности попыток стереть один из слоев палимпсеста или прикрыть одну травму другой.

Е. В. Байдалова (*Москва*)

Топос города в исследованиях украинских литературоведов

The City's Topos in Ukrainian scholars researchers

Доклад будет посвящен истории и современному состоянию изучения топоса города в украинском литературоведении. В исследованиях обращающихся к урбанистической проблематике украинских ученых, самыми крупными из которых являются Инна Булкина и Григорий Грабович, основное внимание уделяется главным национальным городским текстам – киевскому и львовскому, – их связям с историей этих городов и развитием разных национальных литератур, обращающихся к данным текстам: австрийской, польской, еврейской, русской, украинской.

А. В. Грасько (*Москва*)

**Взгляд извне: особенности московского топоса в романе чешского писателя Иржи
Вайля «Москва-граница»**

A look from the outside: Peculiarities of the Moscow Topos in the Novel of the Czech Writer Jiri Weil "Moscow-Border"

В романе чешского писателя первой половины XX в. Иржи Вайля «Москва-граница» мы находим не только внешний описательный образ советской Москвы начала 1930-х гг., кузницы нового коммунистического государства, характерный для письменных свидетельств иностранцев, ее посещавших. Москва здесь предстает гораздо более объемно, многогранно, становится местом пересечения и столкновения многих смыслов, как социально-политических, так культурно-этических и экзистенциальных, то есть становится не просто городом-локусом, внутри которого разворачивается действие романа, а семиотически значимым, объемным пространством – топосом. Можно сказать, что роман Вайля встраивается таким образом в московский текст, сформированный в рамках познания радикально новой советской Москвы и советской реальности вообще такими русскими авторами, как А. Платонов, Б. Пильняк, Ю. Олеша, М. Булгаков и другими. Угадывается в романе и особенная метафорическая модель Москвы, связанная с образом границы, пограничья.

Ю. П. Гусев (*Москва*)

Будапешт как культурный феномен

Budapest as a cultural phenomenon

Основав на рубеже I и II тысячелетий государство в середине Европы, группа кочевых племен мадьяр (венгров) неминуемо должна была приобщаться к европейской цивилизации. Процесс пошел быстро, но, в силу исторических помех (татаро-монгольское, турецкое нашествия и др.) затянулся почти на тысячелетие. По-настоящему приобщение к Европе стало набирать темпы во второй половине XX в., когда Венгрия оказалась в составе Австро-Венгерской Монархии. Борьба двух начал, двух ментальностей: древней (уходящей корнями еще в кочевые времена), феодально (с восточным оттенком)-патриархальной, с одной стороны, и просвещенно-либеральной, с другой – шла довольно бурно. На острие этой борьбы находился прежде всего Будапешт. Отсюда его внутренняя (и даже внешняя, визуальная) противоречивость, сочетание в его духе и облике восточного и западного элементов. Противоречивость эта, конечно же, осложняла бытие столицы (а следовательно, и всей страны). Но она же, обретая ту или иную степень органичности, порождала яркость и своеобразие духовной жизни. Недаром в различных сферах венгерского искусства – особенно в литературе, музыке, скульптуре – на протяжении последних ста – ста пятидесяти лет появилось так много выбивающихся из всех канонов шедевров.

Д. А. Завельская (*Москва*)

Тени и свет сказочного города: романтический топос в творчестве Е. Л. Шварца

Shadows and light of a fairy-tale city: a romantic topos in the work of E. L. Schwartz

В драматургических и прозаических сказках Е. И. Шварца прослеживается влияние предыдущей литературной традиции – преимущественно романтической, поскольку сама литературная авторская сказка формировалась во многом благодаря романтизму. Это влияние стоит рассматривать более детально, в том числе на примере образа города, который представлен в таких сказках, как «Приключения Гогенштауфена», «Голый король», «Кукольный город», «Снежная королева», «Тень», «Сказка о потерянном времени», «Дракон». Особое внимание уделяется поэтике городского топоса в сказках

«Кукольный город» и «Тень», где прослеживается романтическая традиция, присущая таким авторам, как Андерсен, Гофман, Одоевский. Исследование затрагивает принцип контраста; взаимодействие тени и света, мотив иллюзорности и стилистику фантасмагории.

П. Е. Зеновская (*Дублин*)

Миф о Сараево: город как модель пространства

The myth of Sarajevo: the city as a model of space

В исследовании предпринимается попытка рассмотреть топос Сараево на материале нескольких произведений И. Андрича, М. Капора, А. Хемона и К. Заимовича. Результаты анализа структурных элементов художественного пространства позволяют говорить о том, что авторы активно используют мифопоэтическую модель мира, создавая из Сараево город-миф, наделенный рядом повторяющихся из произведения в произведение характеристик. Наиболее последовательно встречается представление о Сараево как о мультикультурной столице, являющейся воплощением мифологемы перекрестка. Тяготение к мифологическому осмыслению сущности города и его трагической судьбы приводит авторов к персонификации духа Сараево в облике чудовища, гения места.

Р. Змелик (*Оломоуц*)

Становление и трансформация топоса Праги в прозе Якуба Арбеса

The Formation and Transformation of the Topos of Prague in the Prose by Jakub Arbes

Доклад будет посвящен романам Якуба Арбеса, написанным во второй половине XIX в. (с 1860-х гг. до начала XX в.), местом действия которых является Прага. Моя основная цель – проследить, как данный городской топос трансформируется в прозе Арбеса, при помощи каких механизмов он воссоздается, и что является результатом трансформаций. В то же время я попытаюсь воссоздать топографию города при помощи картографических моделей и использовать их при системном анализе топографии художественных произведений.

А. Ибришимович-Шабич, Е. Баврка (*Сараево*)

«В Сараеве жить невозможно»: сараевский текст vs петербургский текст (на примере поэзии Абдулаха Сидрана)

"You can't live in Sarajevo": Sarajevo text vs Petersburg text (on the example of the poetry of Abudalah Sidran)

В отличие от *петербургского текста*, генезис и структура, язык и авторы которого хорошо изучены и теоретически обоснованы благодаря трудам Тартуско-московской школы и фундаментальным исследованиям В. Н. Топорова, *сараевский текст* и его теоретическая основа все еще находятся в зачаточном состоянии. Несмотря на то, что о Сараево как о городе, его архитектуре, истории, культуре, улицах и т.д. написано невероятное количество текстов, и на то, что он присутствует в том числе в устной традиции, *сараевский текст* как термин, который мог бы объединить тексты об этом городе в их семантической и семиотической связи, все еще не является общепринятым.

В докладе речь пойдет о сараевском тексте и о поэзии А. Сидрана: три его центральных сборника («Sarajevska zbirka», «Sarajevski tabut», «Mogija») описывают город как пространство истории, культуры, памяти и свидетельства. Опус Сидрана побудил исследователей осознать важность изучения генезиса и структуры *сараевского текста*, что указывает на необходимость определения этого термина в более широком смысле. Следовательно, поэтика города Сидрана для *сараевского текста* представляет собой то же, что и произведения Достоевского, по утверждению Топорова, представляют для *петербургского*.

Г. В. Климанов (*Москва*)

Пражские реалии в чешской детской литературе (на материале повести Франтишека Лангера «Братство Белого Ключа»)

Prague realia in Czech children's literature (based on the material of František Langer's "The Brotherhood of the White Key")

В докладе предполагается провести оценку функционального значения пражских реалий для раскрытия авторского замысла на примере повести Франтишека Лангера «Братство белого ключа» (1934 г.). Повесть создавалась в межвоенное время, когда Прага стала столицей нового независимого государства – Первой Чехословацкой республики. Новый облик города, по нашему мнению, и стал предпосылкой для формирования сюжета повести. Пражские реалии повести были классифицированы нами по пяти различным группам, сформированным по принципу описываемого явления. Каждая из групп реалий вносит свой вклад в раскрытие авторского замысла. Пражские реалии помогают Лангеру в доступной форме донести до юных читателей важность общечеловеческих ценностей, воспитать в подростках чувства гуманности и патриотизма.

Е. Н. Ковтун (*Москва*)

Город как модель пространства Мира Посмертия в российской, инославянской и зарубежной фантастике

The City as a Model of the Universe of Afterlife's Area in Russian, Slavic and Foreign Fantasy

В докладе как своеобразный «интертекст Мира Посмертия» рассматриваются произведения отечественных и зарубежных (инославянских, западноевропейских и североамериканских) фантастов XX–XXI вв., посвященные изображению посмертного человеческого существования. Одним из аспектов исследования стали типы ландшафтов загробного мира, в которых существенное место занимают образования урбанистического характера – от небольших поселений до новейших мегаполисов и городских агломераций. Функциональность урбанистического пространства прослеживается нами в двойственном ключе. Чаще всего городской ландшафт Мира Посмертия противопоставляется сельскому по оценочному принципу (соответственно, негативная и позитивная модель посмертного бытия). Однако в ряде текстов именно город и городская среда становятся художественным воплощением идеи внутреннего роста и восхождения человеческой души по спирали духовной эволюции.

С. А. Кожина (*Москва*)

Город-лабиринт как топос инициации в произведениях Д. Годровой («Воззвание», «Спиральные предложения» и «Эта близость»)

City-labyrinth as a topos of initiation in the works of D. Hodrova (*Invocation, Spiral sentences and That proximity*)

Пространство в трудах Д. Годровой занимает особую роль. Представленные в художественных произведениях автора топосы часто скрывают в себе архетипическую семантику. Лабиринт, как топос путешествия, катабазиса души персонажа, пришедший в литературу в период зарождения христианства, в текстах Годровой реализован посредством городского пространства. В романах «Спиральные предложения», «Воззвание» и «Эта близость» мы наблюдаем явный перенос акцента с эпического повествования о судьбах персонажей на выстраивание текста города (в сравнении с более ранними произведениями Годровой). Прага предстает перед нами как город мифов и легенд, воспоминаний о частных судьбах и великих исторических событиях, в которых отражается тайный смысл устройства мироздания. Объединяющим принципом в этих лишенных эксплицитно выраженного события произведениях становится ризоматично разрастающиеся истории об определенных местах и связанных с ними людях.

А. Ю. Колянов (*Санкт-Петербург*)

«Образ города» в романах Иржи Карасека из Львовиц

“The image of the city” in the novels of Jiří Karásek ze Lvovic

В прозе чешского писателя-модерниста И. Карасека из Львовиц (1871 – 1951) европейский город эпохи fin de siècle предстает как мистическое пространство, где сконцентрированы ощущения ностальгии и клаустрофобии, заставляющие персонажей переживать наследственную сопричастность истории. Так чувствует герой романа "Готическая душа" (Gotická Duše), в котором Прага рубежа веков это место, где прошлое реальнее настоящего. В трилогии «Романы трех магов» (Romány tří mágů) легенды о европейских "колдунах" воскресают в пространстве Вены, Венеции и Праги, структурируя сюжет и поведение персонажей. Тексты Карасека позволяют взглянуть на города сквозь призму чешского "готического" романа, а также ощутить атмосферу, утраченную после войн XX в.

П. В. Королькова (*Москва*)

Топос Парижа в хорватской литературе 20 века

The Paris topos in the Croatian literature of the 20th century

В хорватской литературе XX в. мы находим множество текстов, как прозаических, так и поэтических, в которых возникает образ Парижа – города, чье значение невозможно переоценить, когда речь заходит о европейской культуре предыдущего столетия, в том числе о литературе.

В докладе будут затронуты следующие аспекты заявленной темы:

- рецепция Парижа в хорватских травелогах XX в.: реальный и воображаемый Париж;
- образ Парижа в поэзии и прозе хорватских авторов XX в.: город-магнит, город-хаос, город-бунт;
- правомерность использования термина «парижский текст» хорватской литературы;

– периоды и произведения, наиболее значимые для формирования «парижского текста» хорватской литературы (на материале поэзии и прозы С. С. Краньчевича, А. Г. Матоша, М. Крлежи, Т. Уевича и других авторов).

А. Н. Красовец (*Москва*)

Город в современном словенском криминальном романе

A city in a modern Slovenian crime novel

Город в современном словенском детективе занимает одно из ключевых мест. В нашем докладе мы обратимся к криминальным романам Тадея Голоба и Мирта Комела. У первого писателя важнейшую, по сути, структурообразующую роль, наряду с интригой расследования и психологией персонажей, играет именно город с его координатами узнаваемой реальности, что позволяет самоидентификацию словенского читателя с текстом, вызывает у него успокоительное чувство знакомой и привычной обстановки, способствуя тем самым убедительному выстраиванию воображаемого мира романа. У Комела же город – не просто узнаваемое и осязаемо выписанное место действия, но и такой же участник демонических событий; это то заколдованное и по сути мифологическое пространство, которое призвано воплотить собой высшие силы, направляющие главных героев романов.

Н. М. Куренная (*Москва*)

А. Клинов: Путеводитель по Городу Солнца (2013)

A. Klinov: Guidebook to the City of the Sun (2013)

Белорусский художник и писатель Артур Клинов – автор нового синтетического литературно-художественного жанра, объединившего черты субъективной автобиографической прозы и историко-архитектурного путеводителя. Книга посвящена Минску – единственному на пространстве бывшего СССР завершеному городскому ансамблю, воплощенного архитекторами И. Г. Лангбардом и Г. В. Заборским как социалистическая версия утопического Города Солнца Т. Кампанеллы. В докладе будет рассмотрен комплекс философских и художественно-архитектурных комментариев А. Клинова об исключительности, своеобразии и художественной уникальности Минска как памятника Большой Коммунистической Утопии.

Н. А. Лунькова (*Москва*)

О некоторых особенностях городской прозы Д. Энева

Some features of the urban prose by D. Enev

На материале рассказов сборников «Городок под названием Мендосино» (2009), «Болгарин с Аляски» (2011), «Орел или решка» (2014), «Гризли» (2015) анализируются некоторые особенности городской прозы Д. Энева. Важное значение в его произведениях приобретает мотив странствия по городу, где «кого только не встретишь. Даже молодого самого себя». Большинство героев Энева – простые люди с городских окраин, среди которых неудачники, сумасшедшие, проститутки, нищие. Перемещаясь по городскому пространству, рассказчик собирает их истории в пестрый урбанистический калейдоскоп, однако он не только фиксирует настоящее, но, «гонимый ностальгией по ушедшему времени», рассказывает и о прошлом. С помощью воспоминаний о детстве и юношестве, герой-горожанин Энева, говоря о городских локусах как части своего жизненного пути,

спасается от бегства времени, его разрушительного воздействия на пространство, делая акцент на противопоставлении старой Софии и новостроек.

Л. А. Мальцев (*Калининград*)

Между Неаполем и Петербургом: роль категории локального в творческих связях Г. Герлинга-Грудзиньского с Достоевским

Between Naples and St. Petersburg: the role of the category of locality in the creative ties between G. Herling-Grudziński and Dostoevsky

В отношении Герлинга-Грудзиньского к Неаполю (см. Неаполитанская летопись. Спб., 2017. Вступ. ст. М. Вилька, пер. И. Е. Адельгейм) прослеживаются признаки тайного «двойничества» с Достоевским: как Достоевский вел «петербургскую летопись», так и Герлинг-Грудзиньский – «неаполитанскую хронику», создавая при этом рассказы «из хроники нашего города».

Но знаменателен также и «перекрестный» факт: в творчестве Герлинга отношение к Петербургу-Ленинграду, художественно выявленное в повести «Белая ночь любви», практически идентично отношению Достоевского к Неаполю, отраженному в монологе князя Мышкина в романе «Идиот».

«Полюса» Север – Юг, Петербург – Неаполь в творчестве Достоевского и Герлинга находятся в диалектическом соотношении с оппозициями мечта – действительность и жизнь – смерть.

Н. Няголова (*Велико-Тырново, Москва*)

Между Эдемом и Содомом. „Великотырновский текст” в творчестве Эмилияна Станева

Between Eden and Sodom. "Veliko Tarnovo Text" in the works of Emilian Stanev

В повестях Эмилияна Станева «Похититель персиков» (1948) и «Тырновская царица» (1974) наблюдается специфическая семиотизация топоса города. Он изображен во время исторических катаклизмов и войн первой половины XX в. Городская периферия дарит спасение и любовь, на нее проецируется семантика райского сада как места любви и всепрощения. Одновременно с этим сам город превращается в пространство грубой чувственности, эгоистического расчета и карьеризма, развертывающихся на фоне крепости Царевец, – эмблемы былого величия Второго болгарского царства. Город представлен в двух планах – он «живой» и «мертвый», у него две души – «старая» (балканская и экзотическая) и «новая» (непознаваемая и европейская). Конкретно-историческое содержание топоса дополняется чертами, порожденными неомифологизмом болгарской прозы второй половины XX в.

И. Поспишил (*Брно*)

Проблема городского и деревенского культурного ареала: диахрония и синхрония топоса и литература (общие размышления и кейс-стади)

The Problem of the Urban and Village Cultural Area: Diachrony and Synchrony of the Topos and Literature (General Reflections and a Case-Study)

Автор настоящего доклада освещает общие проблемы городского и деревенского культурного пространства вообще и в ареале Центральной Европы, более наглядно демонстрирует их реализацию в литературе на примере города Брно и западной Моравии, т. е. границы двух исторических земель – Богемии и Моравии. В своем размышлении он указывает на определенные, ограниченные по времени эволюционные цепи, волны, подъемы, сдвиги значения, когда при исторически благоприятных обстоятельствах именно некоторые топосы выходят из тени, создавая стимул для развития всей национальной литературы, и, более того, для литератур за ее пределами, например в рамках Центральной Европы или Европы в целом.

Е. В. Сагалович (*Москва*)

Многомерность городского пространства сербской прозы (на примере романов Д. Киша, Л. Блашковича, Б. Пекича, С. Велмар-Янкович)

Multidimensionality of urban space of Serbian prose (of the example of novels of D. Kiš, L. Blašković, B. Pečić, S. Velmar-Janković)

Тема города всегда присутствовала в сербской литературе XX века. Независимо от того, к какой традиции или литературному направлению можно отнести творчество того или иного автора, образ города (столичного или провинциального) есть во многих произведениях, как конкретное место действия, фон событий, мечта героя или воображаемое идеальное пространство.

В романах Д. Киша («Сад, пепел», 1965, «Песочные часы», 1962), Л. Блашковича («Натюрморт с часами», 2000, «Ожерелье Мадонны», 2003), Б. Пекича («Паломничество Арсения Негована», 1970), С. Велмар-Янкович («Лагум», 1990) город (Нови-Сад у Киша и Блашковича) и Белград (у Пекича и Велмар-Янкович) – это сложный смыслообразующий фактор, который по отношению к персонажу может быть нейтральным, дружественным или враждебным, местом, где герой был счастлив, или, наоборот, пережил травмирующий опыт. Город выявляет качества героя и влияет на сюжетную динамику, приобретая антропоморфные свойства и искажая собственное пространство.

Н. Н. Старикова (*Москва*)

Американский мегаполис глазами «альпийского меланхолика»: Новый Орлеан в романе Д. Янчара «Насмешливое вождление»

American metropolis through the eyes of an "Alpine melancholic": New Orleans in the novel *Mocking Desire* by D. Jančar

Автобиографический роман Д. Янчара «Насмешливое вождление» (1993) основан на впечатлениях от пребывания автора в Америке во второй половине 1980-х гг. Одним из мест его дислокации становится Новый Орлеан, окутанный легендами город Луизианы с уникальным культурным ландшафтом, в котором соединяются французские, испанские, креольские, южноамериканские, африканские элементы. Географическое, топологическое и социокультурное пространство этого мегаполиса является основой для всей художественной структуры произведения. Перцепция Нового Орлеана в романе многоуровневая: это и хронотоп, и сюжетообразующий субъект, и актер исторического процесса со своей судьбой и мифологией, и, наконец, объект авторской иронии. Например, иронический акцент сделан на изображении таких новоорлеанских символов, ставших стереотипами, как Марди Гра и «Трамвай “Желание”» Теннесси Уильямса.

Л. Танушевска (Скопье)

Город в литературе в рамках проекта NEWSLA

The city in literature within the project NEWSLA

Проект NEWSLA – это проект, получивший поддержку программы ERASMUS MUNDUS. Включает в себя универсальную подготовку тремя университетами (Силезский университет в Катовицах, Остравский университет в Остраве, Университет имени Св. Кирилла и Мефодия в Скопье) современной формы второй ступени высшего образования по славистике. Программа обучения, которая будет разработана в рамках этого проекта, будет содержать также курс на тему «Город в литературе и культуре» этих трех стран. Этот курс будет охватывать следующие темы: город как центр мира, город как мифологическое место, геокультурная символика города, феномен «потерянных» городов, отношение человека к городу, фланирование или искусство прогулки по городу и город как переводческая проблема. В докладе будут представлены различные аспекты и примеры из указанной программы обучения.

А. В. Усачева (Москва)

Бухарест настоящего и прошлого: образ города в романе Симоны Сора «Отель “Универсал”»

Bucharest of the present and the past: the image of the city in the novel *Hotel Universal* by Simona Sora

Бухарест часто становится сценой действия в современной румынской прозе. Одни авторы осмыслиют его роль в своем опыте, изображая то мистическим (М. Кэртэреску), то романтическим (Г. Адемештяну), другие же размышляют о его прошлом (Ф. Флориан, Й. Пырвулеску). В романе «Отель *Универсал*» (2012) речь идет о более чем столетней истории отеля, расположенного в самом центре Бухареста. Судьба отеля, его обитателей и владельцев тесно сплетена с судьбой города. Он является словно бы константой в стремительно меняющейся жизни и застаёт бурное развитие превратившейся в «Маленький Париж» румынской столицы во второй половине XIX в., переживает две мировые войны, несколько пожаров, Чаушеску, революцию и, наконец, приход XXI в. В докладе рассматривается, как С. Сора воссоздает образ Бухареста, делая его важной частью романа.

Е. В. Шатько (Москва)

Сараево М. Ерговича vs Сараево Дж. Карахасана

M. Jergović's Sarajevo vs Dž. Kakahasan's Sarajevo

В докладе рассматривается топоним города Сараево в творчестве М. Ерговича (на материале сборника рассказов «Сараевский Мальборо» и фрагментированного романа «Сараево. План города») и Дж. Карахасана (на материале сборников «Дневник переселения» и «Дом для усталых»). Город занимает важное место в творчестве обоих писателей, зачастую он становится одним из центральных персонажей. Авторы обращаются как к прошлому города, так и к его настоящему. И если изображение прошедших эпох и у Ерговича, и у Карахасана выстраивается на воспроизведении истории региона и описании жизни отдельных персонажей, то их видение современного города сильно различается: Ергович на страницах «Сараево. План города» стремится разрушить

миф о мультикультурном и открытом городе, который создается в том числе в творчестве Карахасана.

А. Г. Шешкен (*Москва*)

Образ города в македонской прозе 1945–1960-е гг.

The image of the city in Macedonian prose of the 1945 - 1960s

Образ города формируется в македонской литературе вместе с зарождением прозы на национальном языке. Местом действия и основными героями рассказов 1940-х гг. была деревня и крестьяне, но уже действие первой повести на македонском языке «Улица» (1950) С. Яневского разворачивается в городе, где подростки сталкиваются с социальной несправедливостью. В городском пространстве разворачиваются сюжеты романов, в центре которых оказывается морально-нравственная проблематика, «Две Марии» (1956) С. Яневского и «Под раскаленным небом» (1957) Д. Солева. В 1960-е гг. В. Урошевич широко использует фантастику.

Л. Ф. Широкова (*Москва*)

Братислава: образ города и его функция в словацкой прозе XX–XXI вв.

Bratislava: the image of the city and its function in Slovak prose of the 20th and 21st centuries.

Прессбург, Прешпорк, Пожонь, Братислава – исторические названия города, сопутствовавшие его становлению как политического и культурного центра. В прозе I-й половины XX в. образ Братиславы возникает часто в плане противопоставления города традиционному сельскому укладу (Д. Хробак, И. Горват). Сюрреалистическое изображение военного города видим в новелле Д. Татарки «Панна волшебница» (1944). В период соцреализма картины Братиславы возникали лишь эпизодически, как фон событий войны и социалистического строительства (трилогия В. Минача «Поколение»). Образ большого города выходит на первый план в 1960-е гг. в прозе «Поколения 56» (Я. Йоганидес, Я. Блажкова, Д. Митана, П. Виликовский) как место самореализации и поисков молодого интеллектуала. После 1989 г. возникают новые аспекты художественного видения Братиславы: город как средоточие «дикого капитализма» 1990-х – в трилогии П. Пиштянека; палимпсест, восстановление картины города разных лет – у П. Виликовского, который продолжил, вплоть до своего ухода, разрабатывать тему Братиславы, делая ее не только местом действия своих книг, но и их «героем». Образы Братиславы, выполняющие разные функции, находим и в романах В. Климачека, П. Ранкова, М. Компаниковой и др.

Н. И. Шитакова (*Орел*)

Многомерность городского хронотопа в художественном пространстве В. Набокова и Г. Газданова

The multidimensionality of the urban chronotope in the artistic space of V. Nabokov and G. Gazdanov

В работе рассматриваются особенности городской топонимики в произведениях двух выдающихся писателей молодого поколения «первой волны» Русского Зарубежья: В. Набокова и Г. Газданова (на примере образов Берлина, Парижа, Санкт-Петербурга). В

художественном мире писателей формируется хронотопическая модель, включающая в себя разветвленную структуру городских хронотопов. Городское пространство у писателей открывается как перекресток нескольких культур и времен, в то же время город выступает символом цивилизации и противопоставляется в творчестве Набокова и Газданова нравственному личностному началу, воплощенному в личном хронотопе лирических героев. Моделируется реальное и идеальное пространства, с характерными вертикальными передвижениями героев произведений, призванных отразить преодоление экзистенциального ужаса жизни и стремление к познанию Истины.

Е. А. Яблоков (*Москва*)

Города без самоваров. Феномен «анти-травелога» в цикле романов Н. А. Лейкина о супругах Ивановых

Cities with no samovars. The "anti-travelogue" phenomenon in the cycle of novels about the Ivanovs by N. A. Leikin

В тетралогии Н. А. Лейкина, посвященную купеческой семье Ивановых, входит, в частности, книга «В гостях у турок» (1897), где рассказано о путешествии героев в Константинополь через Белград и Софию. Образ города здесь отражает общую поэтику цикла, носящего юмористический и сатирический характер. Роман «В гостях у турок» построен по модели классического травелога, однако в центре внимания не столько «объективные» образы посещаемых Ивановыми городов, сколько специфика восприятия героев, обусловленная их «русскостью». Для мироощущения Ивановых характерна агрессивная «самобытность», ко всему «чужому» они подходят с собственными критериями, поэтому разница между городами фактически нивелируется. «В гостях у турок», как и остальные части цикла (речь в них идет о пребывании в Берлине, Париже, Женеве, Вене, Ницце, Риме, Неаполе, Венеции, Биаррице, Мадриде), повествует в основном о различных «фиаско» героев, которые, ввиду невысокого интеллектуально-образовательного уровня и карикатурно-«русских» стереотипов, неспособны адаптироваться к иным культурам. Заграничные города – в том числе «славянские» – в восприятии Ивановых предстают в основном как дискомфортные, «чужие». Идеальной «целью» зарубежного путешествия парадоксально оказывается Россия – поэтому, при наличии формальных признаков травелога, он, в сущности, оборачивается «фикцией».